

дадут нелепое свое творение, все улицы, дома и книжные лавки» наполняли толками «о будущих пышных своих бреднях и заблуждениях, которыми, по их словам, битком набита будет их веле-лепная история». ³⁷ Хотя Тредиаковский и заканчивал свое сочинение присяжной похвалой императрице, по повелению которой «сделаны великие приуготовления, собраны бесчисленные древние летописи и всякие рукописи, могущие служить материалом к толь великому и полезному сочинению», однако его книга пла вразрез с господствующим направлением в русской историографии. В оценке так называемых «татищевских известий» Тредиаковский, сотрудник Болтина и Мусина-Пушкина, становился на сторону Щербатова, заявляя, что Татищев многие сведения в своей «Истории» «взял из архивы своей головы». Продолжение столь отважно начатых исторических штудий их автор ставил в зависимость от «беспристрастия публики». «Если просвещенная публика, — писал он, — сие первое одобрит творение, тогда ничего я не пощажу, ни времени, ни трудов». ³⁸

К сожалению, «просвещенной публике» так и не пришлось увидеть ни этого сочинения Тредиаковского, ни других его рассуждений о русской истории. Неожиданный крах ранее процветавшего предприятия заставил придворного типографа отказаться от теоретических экскурсов и обратиться к прозаическим заботам о хлебе насущном. 28 февраля 1792 г. последовал именной указ Екатерины II «впредь ни в каких типографиях как сочинений, так и переводов без особенного ее императорского величества повеления» на счет Кабинета не печатать. ³⁹ К тому времени Тредиаковскому была выплачена за печатание книг огромная сумма — 115 167 руб. 53 коп., однако оставался и довольно существенный долг — 15 464 руб. 75 коп. ⁴⁰ Главное же следствие указа — потеря дотаций Кабинета — лишило Тредиаковского основного источника существования. Опала П. А. Соймонова ⁴¹ довершила падение содержателя типографии Горного училища. «Не имея о себе ни рекомендателей, ни попечителей, — писал он статс-секретарю императрицы В. С. Попову 26 марта 1794 г., — а притом изнуряем будучи припадками, не мог доньше утруждать ваше превосходительство в моих крайностях... Я лишился места, жалованья и следовавшего мне по службе чина без худой с моей стороны заслуги. Дом мой, который мог бы в таком случае в пропитании меня учинить мне помощь, хотя и он по залогоу принадлежит лом-

³⁷ *Тредиаковский И. Н.* Разговор Полигистора с Правдолюбом..., с. 8—9.

³⁸ Там же, с. 129—131.

³⁹ ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 109, л. 1.

⁴⁰ Там же, л. 43.

⁴¹ 18 ноября 1793 г., вскоре после осуждения Новикова, Екатерина II уволила Соймонова «по прошению его... от присутствия в Кабинете» (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 3908, л. 247). Обстоятельства опалы Соймонова неизвестны, но довольно вероятно, что основная причина императорского гнева была в открывшихся фактах издания ональным Новиковым книг по заказам Кабинета.